

"Хочешь, я напишу тебе пьесу?"

Профессия драматурга при нынешнем положении дел на театре приемлема только для бесконечно заинтересованных в ней людей или же для тех, кому не терпится самовыразиться.

Однако, несмотря на изобилие графомани, и хорошая драматургия умудряется существовать.

Мыслями об этом, а также о месте собственного творчества на театре, поделился драматург

Петр Гладили́н, чьи пьесы в последнее время приобретают все большую популярность.

— Как известно, любой спектакль начинается с пьесы, а следовательно, с ее автора. Каково в наши дни положение драматурга в театре?

— Вопрос о положении драматурга меня никогда не беспокоил. Я не думаю о театре вообще. Мне достаточно того, что я себя уважаю, и общаюсь с людьми, которые уважают меня — имею в виду режиссеров и артистов. Когда чувствую, что люди не понимают ни меня, ни того, что я написал, все отношения сразу заканчиваются.

— Значит, вы сами выбираете и театр, где будет идти та или иная ваша пьеса, и людей, которые будут над ней работать?

— Больше того, когда я пишу пьесу, то знаю, кто ее будет играть. Так складывается уже два года. Я люблю писать "на актеров", и, кажется, у меня это получается. Самый свежий пример: сейчас в одной из антреприз идут репетиции пьесы "Афинские вечера", где главная роль написана специально для Ольги Ароновой. Еще один пример, из истории пьесы "Ботинки на толстой подошве": однажды на спектакль "Тачка во плоти" пришла Анастасия Вертинская, и я начал писать "Ботинки...", на нее и Александра Калягина. Так случилось, что сейчас эту пьесу играют другие, не менее достойные артисты, но начиналось все с конкретных имен.

— Каковы ваши взаимоотношения с режиссерами, ставившими ваши пьесы?

— Они идеальны. Со всеми и

всегда. Это не потому, что я смотрю на режиссеров сквозь розовые очки — дело в том, что я знаю, как непросто ставить такие пьесы. Не могу сказать, что среди спектаклей, поставленных по моим пьесам, хоть раз была халтура, провал, неудачная режиссерская работа или халатное отношение к делу. Мне везет на режиссеров. Если говорить о конкретных именах, то я назвал бы Женю Каменьковича, который рискнул поставить мою первую пьесу "Тачка во плоти" в автомобильном салоне с двумя актрисами — это был очень рискованный эксперимент, полностью себя оправдавший. Я назвал бы Романа Козака, поставившего "Ботинки на толстой подошве". Блистательный режиссер! Спектакль стал для меня большой неожиданностью — я просто не ожидал такого оригинального решения. Хочется сказать добрые слова о Вадиме Миросиниченко, который поставил "Другого человека" в театре Иосифа Райхельгауза, потому что это самая сложная моя пьеса, и то, что сделал Вадим, вполне неплохо. Дальше я поставил бы многого: не хочется превращать ответ на этот вопрос в бесконечный бухгалтерский перечень.

— А вам самому никогда не приходило в голову заняться режиссурой?

— Конечно, приходило. Драматург должен пробовать еще и сыграть на сцене. Я ставил свои пьесы. Но не для того, чтобы создать шедевр. Надо было понять, как работает режиссер, с

какими проблемами он сталкивается.

— Вы ходите на спектакли, поставленные по вашим пьесам? И чем бываете довольны или недовольны?

— Премьеры смотрю обязательно и на этом этапе очень люблю все свои спектакли, не в состоянии критически их оценивать. Потом, конечно, возникают определенные мысли, иногда их больше, иногда — меньше, но они всегда вырастают в какие-то конкретные предложения к режиссеру или к актерам. Это, как правило, процесс дружеского обсуждения, которое может иметь последствия, а может и не иметь. Я всегда доброжелательно отношусь к людям, рискующим ставить мои пьесы.

— Как бы вы, с точки зрения драматурга, оценили понятие "современная пьеса"? Что это за зверь, которого так боятся режиссеры?

— Они правильно делают, что боятся, потому что сталкиваются с колоссальным потоком графомании. Для режиссера важно, современная пьеса или классическая, важно, хорошая она или плохая. Для меня современная драматургия — это хорошая драматургия. Я честно пытаюсь писать хорошие пьесы, и если меня что-то не устраивает, то я это уничтожаю. Еще о современной драматургии можно сказать так — это не попытка отразить существующую реальность, писать об этих людях в этом времени, а попытка работать в области технологии форм. Мераб Мамардаш-

вили замечательно сказал: "Искусство — это технология". И больше ничего тут не добавишь. Меня очень интересует технология, там много тайн, большой простор для новых возможностей. Но вот я смотрю на драматургов: они все толкуются на одном месте, в одном пространстве такой малогабаритной драматургии. Очень прискорбно это видеть. Не хочу критиковать своих товарищей, среди них много талантливых людей, но очень мало тех, кто понимает роль технологии.

— Как вы сами определяете свое творческое направление?

— Не стал бы говорить, что я — новатор. Просто занимаюсь новациями, мне это интересно. Мое направление — это театр формы. Человеческие эмоции должны быть облечены в некую форму, переведены на язык театра. Не хочу причислять себя к каким-то школам, у меня нет кумиров в драматургии. Я не учился в театральном институте, не занимался театром, не читал пьес. И первую пьесу написал случайно: в то время я рисовал, у меня была выставка графики в АПН на Зубовском бульваре, и меня пригласили сделать декорации к одному спектаклю. Так, случайно, и началась моя театральная жизнь. Потом я познакомился с актрисой — не буду называть ее имени, — и однажды она вышла с репетиции очень расстроенная и сказала: "Какой бред я должна играть!" И я ей ответил: "Хочешь, я напишу тебе хорошую пьесу?" И написал. Правда, она не сыграла в этом спектакле...

— Вам легко пишется?

— Драматургия — это такой жанр, где не бывает легко. Это самый технологичный жанр литературы. Для того чтобы писать для театра, нужно очень хорошо его знать. Знать, что такое работа актера, режиссера, — самую основу. Часто бывает так: открываешь пьесу и спрашиваешь: а что здесь играть актерам? Сам я пьесы не пишу — я их играю, а потом записываю. Думаю, что профессия драматурга ближе к профессии актера, чем писателя, потому что театр не принимает са-

мовыражения от первого лица.

— Что служит для вас вдохновением?

— Это может быть фраза, которую я услышал, какой-то поворот в жизни. Движущим моментом может стать мысль в чистом виде. Есть философы, читая которых, я чувствую, как взрывается мое воображение. По образованию я историк и философ и думаю, что драматургия — это эмоциональная философия. Скажу больше: драматургия и философия — одно и то же. То, что мы называем в философии пространством теоретического мышления, в театре именуется сценой. Главное в драматургии — мысль, и моя задача сделать ее предельно эмоциональной.

— Поговорив о форме, давайте скажем пару слов о содержании. О чем вам интересно писать на данный момент?

— Таких вопросов передо мной никогда не стояло. Все в человеческом бытии заслуживает уважения и внимания. Я ограничен временем и своими человеческими возможностями, но писал бы обо всем, у меня большой аппетит и азарт. Однако тонкость нашего ремесла заключается в том, что событие, которое мы описываем — это только фактура, ей нельзя придавать большого значения. Когда автор пишет о жизненных реалиях, пытается их восстановить, описать, драматургическое начало уступает эпическому, и драма умирает. В пьесах все существует по другим законам. То, о чем ты пишешь, играет колоссальную роль, но далеко не самую главную.

— Насколько лично ваше творчество?

— Абсолютно лично. Все мои друзья, в том числе и нетеатральные люди, говорили мне после просмотра спектаклей: "В этом весь ты!" Но по-другому быть не может. Кто-то из великих сказал, что драматург в своем произведении сталкивает разные стороны своего характера. Поэтому я присутствую в своих пьесах на сто процентов.

Беседу вела
Алиса НИКОЛЬСКАЯ